

— Пуф.

Сбросив Жемчужину Цянькунь на бок, Шэнь Чжу начал искать что-то, указывая на маленькую черную точку, похожую на грязь:

— Эй, вот она.

Четверо присутствующих тяжело вздохнули.

— Учитель, может, всё же проведем обряд освобождения? Выглядит это как-то странно, — Фэн Шу с выражением жалости на лице.

Шэнь Чжу нахмурился, задумавшись на несколько секунд, но не согласился:

— Он уже вырос, пора учиться делать свои дела самостоятельно.

В телевизионных передачах часто так говорили, и он считал это правильным.

«Ты что, дьявол? Если бы призрак мог сам всё понять, разве он превратился бы в свирепого духа?»

Шэнь Чжу, заметив на столе куклу-цыпленка, придумал гениальный план. Он тут же вытащил злобного младенца.

В тот же миг раздался оглушительный плач младенца, свет начал мигать.

Но уже в следующую секунду плач резко прекратился.

Кожа злобного младенца, черно-фиолетовая и потрескавшаяся, обнажила множество ран. Он был похож на высушенную солнцем рыбу, сморщенный и жалкий. Его маленькое тельце, прежде размахивающее руками и ногами, свернулось в клубок, дрожа под рукой Шэнь Чжу, стараясь сдерживать икоту.

Однако, несмотря на кажущуюся скорбь, из его черных, как пустые глазницы, глаз не вытекло ни одной слезы.

У призраков нет слез. Даже если их эмоции, как гниль, пожирают их изнутри, вызывая невыносимую боль.

— Не плачь.

Шэнь Чжу, сложив пальцы в форме меча, нарисовал несколько символов на теле злобного младенца.

На его теле появились огненные узоры, маленькое тельце начало судорожно дергаться, а лицо исказилось от боли.

Картина была жуткой и пугающей.

Все присутствующие, не будучи обычными людьми, заметили, что по мере углубления огненных узоров зловещая ци, окружающая злобного младенца, постепенно исчезала.

Ужасное лицо злобного младенца вернуло себе часть нежности, которая была у него при жизни.

Было видно, что когда-то это был плод.

Когда последние следы зловещей ци исчезли, Шэнь Чжу холодно приказал:

— Иди.

Злобный младенец послушно завис в воздухе, поклонился ему и влетел в игрушечного желтого цыпленка на столе.

— Спасибо, господин.

Детский голос раздался из ниоткуда.

— Мм, — Шэнь Чжу кивнул.

Чжэн Сюань и Гун Пин были в шоке. Это что, божественные действия? Без сорока девяти дней молитв и устранения привязанностей, он просто провёл освобождение?

Магические способности отца Гун Пина считались вершиной в этом мире, но сегодня, по сравнению с мастерством этого великого мастера, разница была как между небом и землей.

Лазурный Дракон с любопытством сжал куклу:

— Что это?

Во времена его сна таких вещей не было.

— Пожалуйста, господин, остановитесь, мне больно, — кукла-цыпленок слабо запротестовала.

Шэнь Чжу, указывая на фильм, который шел по телевизору, серьезно произнес:

— Гумантун.

Что это?

— Гуманли, — Шэнь Чжу подумал и поправился. — Гуманли.

По телевизору шла программа о неизведанном, рассказывающая о Гумантуне. Начало было наполнено чередой странных и пугающих событий.

Тайский золотой мальчик, мужской вариант — Гумантун, женский — Гуманли.

Эта маленькая кукла была девочкой.

Кукла-цыпленок радостно ответила:

— Мм.

Благодаря господину за дарованное имя.

Лазурный Дракон, немного подумав, вдруг понял:

— Это вещь из Великой Пустоши.

— Верно, — Шэнь Чжу кивнул.

Трое присутствующих покрылись холодным потом. Не надо их обманывать, Великая Пустошь — это ведь легендарная древняя эпоха?

Оставив подарки, Чжэн Сюань повел свою группу и ушел.

Вскоре в Изумрудную долину прибыла новая группа гостей — Тан Цичжун и мужчина, имевший с ним сорок процентов сходства.

Тан Цичжун, пережив это событие, избежал беды, и красный след на его лбу исчез.

Теперь его глаза были ясными, а лицо румяным — явные признаки большого богатства и удачи.

В отличие от него, пришедший с ним более молодой мужчина выглядел крайне изможденным, его окружали странная энергия обиды и мертвая ци.

Шэнь Чжу не смог удержаться, чтобы не рассмотреть его.

— Прошу прощения за внезапный визит, но мой любимый человек уже намного лучше, и я бесконечно благодарен мастеру. Если бы не ваше вмешательство, я даже не знаю, во что превратилась бы моя семья. Это небольшой знак признательности, надеюсь, вы примете его...

Тан Цичжун с волнением протянул подарочную коробку, в душе восхищаясь мастером, который с первого взгляда всё понял. Вспоминая это, он с ещё большим энтузиазмом выражал благодарность за спасение, осыпая комплиментами, словно не боясь переборщить, глаза его светились доверием и обожанием.

С тех пор, как у него появился талисман мастера, его дом снова стал уютным, а компания заключила несколько крупных международных сделок, выйдя на мировой рынок. В то время как его лицемерный партнер обанкротился всего за семь дней и был арестован.

Тан Цичжун каждый день мыл лицо трижды, почти готов был поклоняться собственному лбу, и размышлял, когда бы найти подходящий момент для визита.

Когда он услышал о странных событиях в доме своего брата, он тут же привел его сюда.

Благодарность была искренней, но и помощь тоже.

Поддавшись потоку комплиментов, Шэнь Чжу был в хорошем настроении и, взглянув на изможденного мужчину, сказал:

— Расскажи, что случилось.

— Вот в чем дело. Мой младший брат Тан Вэньчжэн, он младше меня на восемь лет, занимается строительством. В прошлом месяце он начал сотрудничать с кем-то, чтобы разработать две горы на юге города под курорт. После начала работ они нашли в горах древние красные медные бревна и несколько свечей.

Тан Вэньчжэн вздохнул, потер лицо, пытаясь собраться, и хрипло продолжил:

— Дай я сам расскажу.

— Эти вещи показались мне странными, я не стал их оставлять и устроил ритуал, чтобы их почтить и убраться. Но проблемы всё равно начались...

Во время рассказа он смотрел в пустоту, его глаза ввалились, губы потрескались, словно он пережил сильное потрясение.

— В ту ночь, когда я вернулся домой, во сне я услышал, как множество мужчин и женщин кричат, что голодны. На следующее утро я обнаружил, что вся моя кровать покрыта черными следами, размером меньше ногтя...

Говоря об этом, Тан Вэньчжэн не мог сдержать дрожи.

— Затем шум становился всё громче, и я никак не мог проснуться. На прошлой неделе на моем теле и лице начали появляться следы грязи, а позавчера я чуть не задохнулся, будучи засыпанным. Но вчера я проснулся в том месте, где выкопал красные медные бревна на юге города. Утром я лежал в этой яме, хотя накануне вечером я точно был дома.

Тан Вэньчжэн, закрыв лицо руками, беспомощно застонал:

— Я обращался к мастерам, но ничего не помогло. Что мне делать?

— Возможно, это грибные человечки, — Шэнь Чжу медленно сказал.

На горе Гайю есть грибные человечки.

То есть маленькие люди.

— Грибные человечки? Это что, грибы, которые стали духами? — Тан Цичжун растеряно спросил.

[Система]: Это даже круче, чем волосы, ставшие духами.

Все присутствующие с недоумением посмотрели на него, и Тан Цичжун смущенно улыбнулся.

Так называемые грибные человечки — это легендарные маленькие люди.

Шэнь Чжу видел несколько видов грибных человечков, например, таких, которые растут на ветвях, как плоды, или тех, кто рождается утром и умирает вечером. То, что описал Тан Вэньчжэн, вероятно, были земляные грибные человечки, которые появляются из красного дерева и на закате уходят в землю, чтобы устроить дом. Они умеют копать и исследовать землю.

Строго говоря, земляные человечки не являются чистыми маленькими людьми, они находятся между людьми и духами.

Они питаются свечами, и их можно почитать и содержать.

Согласно записям, после войны Цзиннань, император Чжу Юньвэнь сбежал из дворца, переодевшись, с помощью маленьких людей, которые прорыли подземный путь.

Шэнь Чжу мало контактировал с этими малышами, поэтому знал о них не так много и не мог быть уверен.

Из леса могли выйти различные духи и демоны, и чтобы точно определить, что за существо нападает, нужно было провести дальнейшее расследование.

Но на Тан Вэньчжэне явно было не только влияние духов.

— Помимо грибных человечков, есть ли у тебя другие симптомы? — Глаза Шэнь Чжу, как чистая вода, излучали загадочный свет.

Взгляд его был пронизательным, словно он видел всё насквозь.

Тан Вэньчжэн застыл, растерянно моргая, его глаза, изможденные и красные, казались ещё более рассеянными. Он задумался на мгновение и покачал головой.

— Ничего больше... вроде бы...

Под пристальным взглядом Шэнь Чжу его голос становился всё тише, и он уже не был уверен, не упустил ли он какие-то важные детали.

— Например, потеря воли, нестабильные эмоции, одержимость чем-то, — Шэнь Чжу произнес это медленно, словно вскользь.

— Одержимость? — Тан Вэньчжэн замер, вдруг вспомнив что-то, и на его лице появился странный румянец.

Взяв сочное красное яблоко и откусив кусок, Шэнь Чжу, с набитым ртом, снова обрел немного детской непосредственности, и, взъерошив свои кудряшки, произнес:

— Любовь с первого взгляда, глубокая как море.

Эти восемь слов ударили по сознанию Тан Вэньчжэна, словно молот.

Он схватился за голову, сдерживая стон, и мелкие капли пота выступили на лбу.

— Что... что это значит? — Тан Вэньчжэн был в панике, внутри него бушевал ураган, но внешне он старался сохранять спокойствие.

— На тебя наложили приворот, — Шэнь Чжу с удовольствием ел яблоко. Яблоки из Чунцина были сочными, сладкими и хрустящими.

<http://bllate.org/book/16899/1566758>